
КОНТЕКСТ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НА ПОСТИМПЕРСКИХ ПРОСТРАНСТВАХ

Г. БОТЦ

АВСТРИЯ ПОСЛЕ 1918 г.: ВЛИЯНИЕ ДОЛГОСРОЧНЫХ ЭФФЕКТОВ ЦЕНТРА – ПЕРИФЕРИИ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ¹

<...>

Мышление в терминах *центр – периферия* подразумевает определенную иерархию пространственных отношений как по горизонтали (город – деревня, метрополия – удаленные сельскохозяйственные провинции, «отчизна» – колонии, центр города – окраины и т.д.), так и по вертикали (например, экономическое главенство, политическое превосходство, социальная дифференциация, культурная гегемония). Ссылаясь на «закрытые» мир-экономики (*économie-mondes*), Фернан Бродель вывел три ключевые характеристики, важные для нашего рассуждения о взаимоотношениях центра и периферии:

- границы, очерчивающие какую-либо территорию, придают центральной или периферийной системе ее идентичность;

---

¹ Перевод с англ. главы монографии: *Botz G. Post-1918 Austria: Long-lasting centre / periphery effects on a political system // Forward to the past?: Continuity and change in political development in Hungary, Austria, and Czech and Slovak Republics / Sørensen L.B., Eliason L.S.(eds.). – Aarhus: Aarhus univ. press, 1997–307 p. – P. 118–137.* Печатается с разрешения издательства. Система ссылок и сносок сохранена согласно первоначальному варианту текста.

- единый (при нормальном положении дел) центр одновременно и выполняет функции метрополии (если пользоваться термином, заимствованным из теории империализма¹), и является ведущим экономическим центром;

- существует ярко выраженная иерархия между менее развитыми и довольно скромными периферийными экономиками и более богатой экономикой центра. Такое неравенство порождает напряжение, разделяет систему на два лагеря – имущих и неимущих – и влечет за собой изменения, которым подвергается система на протяжении длительного времени².

<...>

Норвежский политолог и социолог Стейн Роккан (1921–1979), ссылаясь в первую очередь на регионы и национальные государства Западной Европы во второй половине XX в., применил разделение центр – периферия для анализа распределения ресурсов (сырья, капитала, знаний, человеческого капитала и т.д.), расстояний и коммуникационных потоков³.

Обычно центр контролирует основной объем транзакций держателей ресурсов на определенной территории. Он намного ближе к их источникам, чем любая другая часть страны. Он может играть ведущую роль в коммуникационных потоках посредством территориального распространения языкового стандарта и контроля над рядом институтов консультаций и управления. Периферия же, напротив, в лучшем случае имеет право распоряжаться своими собственными ресурсами, обычно изолирована от других регионов и не особо участвует в коммуникационных потоках внутри страны.

---

¹ Ср. с Johan Galtung: *Eine strukturelle Theorie des Imperialismus*, in: Dieter Senghas (ed.): *Imperialismus und strukturelle Gewalt*, Frankfurt/M. 1972, p. 29–104; François Perroux: *L'Économie de XXe siècle*, Paris, 1964.

² *Fernand Braudel: Civilisation matérielle, économie et capitalism, XV-e – XVIII-e siècle*, vol. 3, Paris 1979, p. 16.

³ *Stein Rokkan and Derek W. Urwin: Economy, Territory, Identity*, London 1983, p. 14; сравните также [Stein Rokkan:] *The Centre-Periphery Polarity*, in: Stein Rokkan and Derek W. Urwin: *Centre-Periphery-Structures in Europe. An ISSC-Workbook in Comparative Analysis*, Frankfurt/M. 1987, p. 17 seqq.

<...>

Геоисторический «имперский» парадокс и Австрия: Федерализм и централизованное государство

Цель данного подхода, который основывается на интерпретационной модели, предложенной Рокканом в его поздних работах, – через сравнительный макроисторический ракурс¹ по-новому взглянуть на всю структуру Австрийского государства в контексте геополитической ситуации, начиная со Средневековья. Особенно на те его аспекты, которые связаны с проблемами федерализма и централизации и крахом демократического режима в 30-е годы. Интерпретационная модель, которую норвежский политолог впервые выдвинул в середине 70-х, отталкивается от концептуальной карты Европы и основывается на восьми основных утверждениях, которые я сейчас кратко изложу²:

1. Уже в Средние века в Европе сложился так называемый «пояс» городов и торговых путей. Он проходил от севера Италии вдоль берега Рейна до Ла-Манша и Северного моря. Он до сих пор прослеживается в европейской экономике, влияет на социальную ситуацию и на расположение современных транспортных путей³.

2. Этот пояс городов стал главной сферой влияния Католической церкви, так что именно там были сосредоточены главные соборы, монастыри и прочие церковные институты.

3. Высокая концентрация городских и религиозных центров не позволяла какому-то одному из них занять лидирующее положение.

---

¹ Очевидно, что эта макро модель как сама по себе, так и в случае Австрии довольно общая и упрощенная. Я прекрасно знаю, сколько нареканий она вызывает у историков, склонных придерживаться *historistisch* парадигмы. Ср. с Flora, Makro-Modell, p. 434; Charles Tilly: Stein Rokkan's Conceptual Map of Europe, Ann Arbor, Mich. 1981 (CRSO Working Papers no. 229), p. 2 seq.

² Чтобы детально ознакомиться с картами, см.: Bernt Hagtvet and Stein Rokkan: The Conditions of Fascist Victory: Towards a Geoeconomic-Geopolitical Model for the Explanation of Violent Breakdown of Competitive Mass Politics, in: Stein U. Larsen et al. (ed.): Who Were the Fascists: Social Roots of Fascism and Nazism in Europe, Bergen 1980, p. 139.

³ Étienne Juillard and Henri Nonn: Éspaces et régions en Europe occidentale, Paris 1976 (Actions thématiques programmées, A.T.P., Nr. 10), mainly p. 22 seqq. and maps 2–8.

4. Утверждение Священной Римской империи также не привело к объединению этой территории. Ее императоры не обладали достаточным влиянием, так что попытки создать единое государство в поясе городов были обречены на неудачу.

5. К западу и востоку от пояса городов, на осколках Римской империи, напротив, ситуация располагала к созданию единых мощных центров. Благодаря своему положению они не только смогли извлекать выгоду из рыночных отношений, развивающихся в плотной городской сети, но и установили контроль над периферией, лежавшей вне торговых путей.

6. Именно поэтому первые территориальные государства стали складываться на прибрежных равнинах Западной и Северной Европы (Франция, Англия, Скандинавия), а затем и в Испании.

7. Только вторая волна государственного строительства затронула внутренние европейские территории. Под эгидой Габсбургов произошло объединение земель, которые впоследствии станут ядром Австро-Венгрии. Потом государство появилось в Швеции, а затем и в Германии, где центром объединения стала Пруссия.

8. Пояс городов и ряд маленьких государств, сильных экономически, но слабых политически, остались децентрализованными, и за них постоянно велась ожесточенная борьба. Часть территорий смогла присоединить к себе Франция. Некоторые города и прочие политические объединения этой зоны образовали «консоциативные» союзы¹, например Ганзейскую лигу, Конфедерацию гельветов, Республику семи объединенных нижних земель. В какой-то момент казалось, что Габсбургам удастся подчинить себе эти территории. Однако в итоге Берлин и Турин, центры европейской полупериферии, и, соответственно, Пруссия и Пьемонт стали центрами успешного объединения Германии и Италии в XIX в.²

---

¹ MacRae: *Consociational Democracy*, London, 1969; Philipp Schmitter: *Corporatism in Europe*, Stanford, 1986.

² Несмотря на некоторые упрощения и дополнения, здесь я повторяю слова Роккана, неоднократно высказанные им: *Stein Rokkan: Cities, States, Nations*, in: Samuel N. Eisenstadt and Stein Rokkan (ed.): *Building States and Nations*, vol. 1, Beverly Hills, 1973, p. 81; in general: *Stein Rokkan: Dimensions of State Formation and Nation-Building*, in: Charles Tilly (ed.): *The Formation of National States in Western Europe*, Princeton, 1975, p. 562–600.

<...>

«Геоисторический имперский парадокс», как я его называю, заключается в том, что регионы центральной части Европы, наиболее развитые в экономическом и социальном планах, вплоть до XIX в. оставались отсталыми с точки зрения строительства современного территориального государства. Получается, что городские и торговые центры могли создать сильные государства только на полупериферии, где сфера их влияния распространялась и на периферию. Что же можно извлечь из этой модели для понимания процесса формирования Австрийского государства?

Области, составляющие современную Австрию, сложились не просто в ходе слияния владений различных знатных и титулованных родов. «Скорее возникновение новых территорий и социально-экономических институтов, связанных с ними», было результатом исторических и социальных процессов, вызванных усилением роли городов и торговли¹. Земли формировались в разное время: сначала в Штирии, Зальцбурге и (Нижней) Австрии в XII – первой трети XIII в., затем во второй половине XIII – первой половине XIV в. объединились Тироль и Каринтия. Получается, что объединение шло с востока на запад. Несмотря на все прочие объяснения, оно вписывается в роккановскую модель: даже процесс формирования австрийских земель шел сначала на окраинах пояса городов, а потом уже на территориях, находящихся внутри него или близко к нему². В этом смысле такая земля, как Зальцбург, – это в современной интерпретации пример неудавшегося государственного строительства <...>.

Если верить широко распространенной, но недоказанной концепции, которая так нравится региональным политикам и историкам, согласно которой федерализм и «региональное самосознание» («Landesbewusstsein») в Австрии XX в. имели глубокие исторические корни, то нужно признать и то, что структурные факторы, которые были определяющими в процессе формирования земель, не были (полностью) уничтожены Габсбургами. В Ав-

---

¹ Ernst Bruckmüller: Sozialgeschichte Österreichs, Vienna, 1985, p. 104 seq.

² Сравните с Walter Jambor (ed.): Der Anteil der Bundesländer an der Nationswerdung Österreichs, Wien 1971; Friedrich. Kojas: Entwicklungstendenzen des österreichischen Föderalismus, St. Pölten 1976.

стрии, где процесс создания централизованного государства достиг предварительных результатов только в 1848 г., такие доводы могут быть актуальны до сих пор. Более того, можно предположить, что региональное самосознание, сепаратизм и федерализм, в том числе и западного образца (с. 8) (особенно в начале Первой республики), тоже согласуются с роккановской моделью¹. Если это так, то можно провести условную границу, разделяющую Австрию с севера на юг вдоль Пирнского перевала (Линц-Клагенфурт). Эти соображения, которыми обычно пользуются социальные географы и исследователи фольклора, а не социологи и политологи², нуждаются в более тщательном эмпирическом исследовании. Эта граница нашла свое отражение в некоторых отличительных чертах австрийской политической жизни, присущих ей до недавнего времени. На западе большим влиянием пользовалась линия, нацеленная на интеграцию и достижение консенсуса, в которой прослеживались многие черты сословного общества («либеральный консерватизм»). На востоке — скорее централистско-стандартизирующая политическая культура, имеющая тем не менее тенденции и структуры, ведущие к политической поляризации и популизму (социалистическая и христианско-социальная массовая политика)³.

Далекоидущие последствия неудавшегося имперского строительства и скатывание на позиции полупериферии: Авторитаризм

Концептуальная карта Европы создавалась с целью объяснить различие в европейских партийных системах и путях демократизации (исключение составляют страны, находившиеся под советским влиянием до 1989 г.). Сюда, конечно же, стоит относить и обратные процессы — резкий отказ от демократии и установление

---

¹ См. Stein Rokkan: Territories, Centres, and Peripheries: Toward a Geoethnic-Geoeconomic-Geopolitical Model of Differentiation within Western Europe, in: Jean Gottmann (ed.): Centre and Periphery. Spatial Variation in Politics, Beverly Hills 1980, p. 163–204, mainly p. 187.

² Сравните с Melany Sully: Modern Politics in Austria, London 1990.

³ В отличие от Emmanuel Todd: L'invention de l'Europe, Paris 1990, p. 433 seqq.; сравните с еще одной противоположной позицией: Hans Bobek: Österreichs Regionalstruktur im Spiegel des Atlas der Republik Österreich, o.O., o.J. [ca. 1970].

диктатуры¹. В своих работах Роккан дает целый ряд ценных замечаний по этому поводу, но детально не разрабатывает эту проблематику. Мы попытаемся сделать это на примере Австрии. Вот факторы, которые, исходя из роккановской модели, могут вести к падению демократии²:

- Австрия была одним из оплотов католического универсалистского мира, что подразумевает, что там рано сложилось государство, но поздно произошло национальное строительство, наблюдалась слабая массовая мобилизация в поддержку демократизации и специфические попытки (католической) мобилизации сверху.

- Во время модернизации общества позиции абсолютизма все еще были очень сильны, а давнишние и глубоко укоренившиеся сословные традиции господствовали с XVI по начало XX в.

- Более того, империя Габсбургов взяла на себя роль «крестоносца» в борьбе с турками.

- В отличие от стран Западной и Северо-Западной Европы, в которых период возникновения парламентского правления предшествовал демократизации на массовом уровне, в Австрии эти важнейшие шаги политической модернизации шли в обратном порядке. Так, введение всеобщего избирательного права (для мужчин) произошло раньше, чем установление эффективной парламентской формы правления, посредством чего на рубеже XIX и XX вв. Австрия пошла по особому пути (Sonderweg), схожему с немецким.

Только в конце 70-х годов Роккан вместе с Бернтом Хагтветом предпринял полную и встестороннюю попытку изучить «насильственное свержение соревновательной массовой политики» и установление фашистских и тоталитарных режимов³, используя свою модель. Вот ключевые выводы, к которым он пришел.

---

¹ Здесь Роккан приходит к тем же самым выводам, хотя и использует иной подход. Например, см.: Barrington Moore: *Social Origins of Dictatorship and Democracy*, Harmondsworth, 1967.

² Сравните с Gerhard Botz: *Der «4. März 1933» als Konsequenz ständischer Strukturen, ökonomischer Krisen und autoritärer Tendenzen*, in: Gerhard Botz: *Krisenzonen einer Demokratie*, Frankfurt/M. 1987, p. 155–180; также, см. более современные работы Ernst Hanisch: *Der lange Schatten des Staates: Österreichische Gesellschaftsgeschichte im 20. Jahrhundert*, Vienna 1994, p. 24 seq.

³ Hagtvet and Rokkan, *Conditions*, p. 131–152.

Все пять таких диктатур (в Германии, Австрии, Италии, Испании и Португалии) лежали в поясе городов или на протяжении всей своей истории были тесно связаны с ним. Несмотря на весьма различные геоэкономические и геополитические условия – в чем, несомненно, кроется слабость этой модели, – у всех этих государств есть три общие черты.

- Ощутимое наследие имперского прошлого, которое было обусловлено геополитическим положением пояс городов и неудавшимися попытками строительства империи в тот или иной период их истории.

- Скатывание на позиции полупериферии в результате развития мировой капиталистической системы начиная с XVI в. и конфликтов за верховенство с «новыми» сильными в экономическом плане странами Северо-Западной Европы, в первую очередь – Англии и Нидерландов, в меньшей мере – Франции¹.

- Социальный и политический союз строящих государство акторов (правитель, военные и чиновники) с крупными землевладельцами и представителями промышленной буржуазии по бисмарковскому принципу «железом и кровью»².

По крайней мере до 1939 г. «у многопартийных режимов были все шансы на выживание в странах, принадлежащих к мировому экономическому центру», в то время как «вероятность установления фашистских и схожих с ними режимов была выше в полупериферийных государствах, более ранних империях, на территории которых было много городов». Затем, отталкиваясь от выводов, сделанных Баррингтоном Муром, Роккан и Хагтвет приходят к заключению, что «вероятность победы коммунистов была выше на периферийных окраинах империй “аграрно-бюрократического” типа, где торгово-промышленная буржуазия была слаба».

Предложенная модель могла бы быть более ясной и определенной, если бы в ней учитывались существенные различия между

---

¹ Immanuel Wallerstein: *The Modern World -System*, vol. II, New York 1980, p. 231 seqq.; теперь также Immanuel Wallerstein: *The Modern World-System*, vol. III, San Diego 1989.

² Для более подробной информации ознакомьтесь также с неопубликованной рукописью: Bernt Hagtvet: «Alliance Configurations in the Decisive Phase of Nation Building: Some Notes on Germany, Italy, Spain and Austria for the Explanation of Violent Breakdown of Competitive Mass Politics» (Bergen, 1978).

католической и протестантской политическими культурами, которые подчеркивал Роккан при анализе национального и государственного строительства. Это позволило бы объяснить существенные характеристики и отличия в типологии режимов, различающей репрессивный массово-мобилизационный националистическо-народнический («*volkish*») нацизм и более или менее авторитарные диктатуры «католического типа», которые, ошибочно упрощая события, зачастую относят к фашистским режимам.

Такие же неадекватные оценки часто дают австрийскому «корпоративистскому государству», история которого требует дальнейшего изучения в сравнении с политическими режимами других стран Восточной и Центральной Европы в межвоенный период.

Исторические корни моделей социально-политических коалиций: Ограниченные возможности демократического правительства Первой республики

Один из «ранних» вариантов роккановской модели центр-периферийных отношений может быть применим к исследованию политической ситуации межвоенного периода и целой плеяды правительств и форм организации власти, возникших в период бурных 20 лет.

Главная интерпретационная цель модели Роккана – рассмотреть возникшие на разных этапах исторического прошлого факторы, способные объяснить конфигурации партийных систем и политических режимов в национальных государствах к западу от линии, разделившей в XX в. коммунистические и некоммунистические системы. Роккан постарался применить свою теорию, используя сравнительную базу данных национального и международного уровня¹, получив тем самым широкую известность среди исследователей электорального поведения и политологов. Описание различных теоретических обоснований этой модели выходит

---

¹ *Seymour M. Lipset and Stein Rokkan: Cleavage Structure, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction*, in: *Seymour M. Lipset and Stein Rokkan: Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*, New York, 1967, p. 1–64, mainly p. 36 seqq.

за рамки данного исследования¹. Для нас сейчас важно то, как Роккан связывает особенности той или иной партийной системы с социальными размежеваниями, очертания которых наметились и сформировались в процессе модернизации и корни которых стоит искать в глубоких социально-исторических, культурных и языковых предпосылках. Роккан считает Реформацию, Контрреформацию, «демократические» революции, начавшиеся в XVIII в., и промышленный переворот решающими факторами. Его модель выявляет различия по следующим социополитическим переменным, которым присвоены определенные аббревиатуры (в круглых скобках²).

(N) Процесс централизации начинается с ядра, которое составляют «государствообразующие элементы», контролирующие все ключевые элементы формирующегося механизма государства.

[C] Национальные церкви, которые появляются в некоторых государствах во время Реформации и начинают играть важную роль в процессе становления национального самосознания (в случае Австрии это неактуально, так как протестантизм потерпел поражение в ходе Контрреформации).

(R) Вселенская Римско-католическая церковь с ее транснациональной иерархией, влияние которой на общество во время Контрреформации было огромным.

[D] Религиозные диссиденты. В Австрии это те, кто отвергал материальную выгоду или тяготел к крипто-протестантам, а также периферийные очаги протестантской борьбы³.

(L) Знатные крупные землевладельцы, которые сотрудничали с государствообразующими элементами.

¹ Для того чтобы ознакомиться с хорошо аргументированной критикой, см.: Charles Tilly: *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*, New York, especially, p. 125–143; сравните также: Stefan Immerfall: *Sozialer Wandel in der Moderne. Neuere Forschungsergebnisse zum Prozeß gesellschaftlicher Modernisierung im 19. und 20. Jahrhundert*, in: *Neue Politische Literatur*, vol. 36 (1991), p. 5–48.

² В данной схеме факторы, играющие незначительную социально-политическую роль, помещены в круглые скобки ( ). Знак A, который, как я уже сказал, является уточнением, помещен в фигурные скобки { }. Вариации этой модели, неактуальные для австрийской ситуации, отмечены квадратными скобками [ ].

³ Margarethe Haydter and Johann Mayr: *Regionale Zusammenhänge zwischen Hauptwiderstandsgebieten zur Zeit der Gegenreformation und den Julikämpfen 1934 in Oberösterreich*, in: *Bericht über den 15. österreichischen Historikertag 1982*, in Salzburg, [without place] 1984, p. 406–421.

(U) Городская буржуазия, возникшая в результате промышленного переворота и контролировавшая постоянно развивающийся промышленный и торговый секторы, стала мощным противовесом земельной аристократии. (Если речь идет о Восточной и Центральной Европе, то минус модели Роккана в том, что он не принял в расчет еврейскую буржуазию, роль которой до Второй мировой войны была высока.)

{A} Политическая сила, представлявшая рабочий класс и противопоставляющая свои интересы интересам буржуазии¹. В некоторых странах эта сила раскололась после событий 1917 г.

(P) И наконец, социально-политическая периферия, которая, по определению, противостояла всем попыткам установить контроль центра государства.

Учитывая все эти переменные, можно составить схему, позволяющую лучше понять социально-политическую расстановку сил в Австрии.

Схема социально-политических коалиций в Австрии (1918–1938)

Период	Распределение социально-политических сил в центре и полуцентре	Распределение социально-политических сил на периферии и полупериферии
До 1918	$N + L + R + (U)$	$(U) + P + A$
1918–1920	$A + (P) + (N) + (U)$	$R + L + (P)$
1921–1929/32	$(N) + U + (R)$	$(A) + P + L$
1933–1938	$N + L + R + (U)$	$(U) + P + A$

Теперь разъясним значение этой схемы.

На заключительном этапе существования империи Габсбургов традиционные государствообразующие элементы – имперский двор, чиновники и военные – в сотрудничестве с основными группами земельной аристократии (негерманоязычной) и Католической церковью, а также с либеральной и националистически настроенной немецкой буржуазией (U) контролировали центр, как в политическом, так и в социально-экономическом смысле. Негер-

¹ По неизвестным нам причинам Роккан не выделял отдельно эту группу. Чтобы ознакомиться с противоположной точкой зрения, см.: Flora, p. 429.

маноязычная буржуазия, традиционное сельское население и рабочие оставались на периферии общественной жизни.

Дезинтеграция многонациональной империи Габсбургов привела к тому, что новое Австрийское государство унаследовало большую часть уже существовавших социальных и политических структур, которые усложнили и так непростую после распада единой торговой зоны ситуацию. При этом Вена приобрела еще большую власть над оставшимися в сфере ее влияния территориями¹, что повлекло за собой усиление сопротивления периферии. В таких условия «Австрийская революция» временно вынесла в центр политической жизни новую социально-политическую коалицию: Социально-демократическую рабочую партию, которая занимала лидирующие позиции на протяжении нескольких месяцев, и их партнера – Христианско-социальную партию, которая представляла интересы периферии, провинций. Обеим этим партиям так или иначе приходилось искать поддержку чиновников и городской буржуазии. Священнослужители и крупные землевладельцы, которые не были готовы принять новый республиканский режим, составили периферию как в политическом, так и в географическом смысле².

С концом правления коалиции социал-демократов и Христианско-социальной партии в 1920 г., с введением мер жесткой экономики, вытекающим из Женевского протокола (1922) для стабилизации финансовой ситуации внутри страны, начался процесс перегруппировки сил в центре. Чиновники вместе с городской буржуазией и центристки настроенными членами Христианско-социальной партии получили значительное влияние. Католическая церковь также укрепила свои позиции. Что касается членов Христианско-социальной партии регионального уровня, то они снова оказались скорее на периферии. Крупным землевладельцам, несмотря на их вовлеченность в деятельность «Союза защиты Родины» (Heimwehr) – военизированное объединение крайне правого толка, – не удавалось получить власть. Социально-демократическое рабочее

---

¹ Сравните с Hannes Hofbauer: Österreich zwischen Metropole und Peripherie. Ökonomische Integrationsprozesse seit der Ersten Republik, in: Österreich auf dem Weg zur 3. Republik: Zwischen «Deutschnationalismus» und «Habsburger- Mythos», Vienna 1992, p. 71–83.

² Сравните: Gerhard Botz: Gewalt in der Politik, 2 nd ed., Munich 1983.

движение скатилось до вечного полупериферийного статуса, хотя с географической точки зрения оно концентрировалось в центре.

С конца 20-х годов все больше возрастало влияние исполнительной власти, и с установлением авторитарного «корпоративистского государства» под властью Дольфуса и Шушнига¹ социально-политическая расстановка сил в стране вновь изменилась. Часть чиновников, члены «Союза защиты Родины», аристократы, католическое духовенство и некоторые группы буржуазии сосредоточили власть в своих руках. Крестьяне, проживавшие на периферии, несмотря на обещания о включении всех классов и экономических секторов в «корпоративистское государство», остались на экономической и политической обочине. Естественно, то же самое можно сказать и о «Марксовом» рабочем классе.

Во время мирового экономического кризиса среди значительной части среднего класса (в самом широком значении этого слова) возникла новая сила, с помощью внешнего вмешательства в марте 1938 г. ставшая в дальнейшем победной, – национал-социализм. Сначала это течение получило поддержку на полупериферийном уровне² и только потом завоевало центр.

Сравнивая расстановку сил во время правления буржуазного коалиционного правительства (1921–1929/32), которую я обрисовал здесь, с той, что имела место в стабильных демократиях Западной и Северной Европы и которую описывает Роккан³, можно сформулировать следующую гипотезу. Вопреки интерпретационной модели, которая получила широкое распространение у австрийских историков⁴, коалиция 20-х годов имела больше шансов сохранить демократию, чем предыдущая широкая коалиция социал-демократов

---

¹ Cp. с Ulrich Kluge: *Der österreichische Ständestaat*, Wien, 1983.

² Franziska Schneeberger: *Sozialstruktur der Heimwehr in Österreich. Eine vergleichend-politische Sozialgeschichte der Heimwehrbewegung*, unpublished Ph. Diss., Univ. of Salzburg 1988; Gerhard Botz: *Quantitative Analyse der Sozial- und Altersstruktur der österreichischen NSDAP-Mitglieder (1926–1945)*; in: *Austriaca. Cahiers universitaires d'information sur l'Autriche*, no. 26 (1988), p. 63–72; см. также: Johannes Dressel: *Sozialstruktur einer NS-Elite: die österreichischen Abgeordneten zum Großdeutschen Reichstag 1938*, in: *Bericht über den 16. Historikertag 1984 in Krems / Donau*, o.O. 1985, p. 644–655.

³ Lipset and Rokkan, *Cleavage Structure*, p. 37.

⁴ Например, Norbert Leser: *Zwischen Reformismus und Bolschewismus*, 2 nd ed., Vienna 1985.

и христианских социалистов. Так что крах последней автоматически не вел за собой гражданскую войну и установление диктатуры.

Как бы то ни было, все эти исторические условия, как и Контрреформация в прошлом, были неблагоприятными предпосылками. В условиях господствующего симбиоза церкви и государства, который был только временно ослаблен реформами Иосифа II, зарождение светски настроенной буржуазии, считавшей бы себя частью не пангерманской, а австрийской нации, было, мягко говоря, затруднено. Но только это могло дать поддержку строительству национального австрийского государства в межвоенный период. Стоит добавить, что «революционные» элементы в Австрии были слишком радикальными и не отличались стабильностью. Получается, что «корпоратистское государство» на деле было не чем иным, как попыткой реставрации Старого порядка.

Более того, можно сделать интересное наблюдение, что все фашистские движения, угрожавшие системе, как показывает электоральная статистика¹, возникли на полупериферии. Однако, придя к власти, их лидеры забывали об интересах периферии, встав на позиции нового, намного более диктаторского централизма.

Интерпретационные подходы наподобие этого позволяют расширить их рамки и проанализировать ситуацию в посткоммунистических странах. Это, конечно, поднимет новые вопросы и позволит заново переосмыслить макромодели Роккана. В результате их универсальность может быть опровергнута или, по крайней мере, будет разработана новая, всеобъемлющая модель взаимоотношений центра и периферии, базирующаяся на выводах Роккана.

Перевод Е.А. Абрамовой

---

¹ См. вклад Gerhard Botz and Albert Müller: «Zentren und Peripherien» im Lichte der Wahlergebnisse der Ersten Republik, in: Bericht über den 19. österreichischen Historikertag in Graz, Vienna 1994, p. 545–559.